

два рассказа

65

Айгуль Талимакберова

Её сын Андрейка

СУХОНЬКАЯ старушка в старом пальто стояла возле подъезда на холодном ноябрьском ветру. Небрежно сдвинутый набок цветастый вязаный берет не прикрывал седых волос. Пуговицы на пальто перепутались с петельками, потому одна его половина оказалась длиннее другой. Шарфа не было, и старушка то и дело поднимала воротничок, но от ветхости тот потерял форму и не желал стоять, всё время падая на плечи и оголяя тонкую морщинистую шею.

Старушка всматривалась в лица проходящих мужчин, некоторых брала замёрзшими пальцами за локоть:

– Андрейка, сынок...

Но ни в одном из них не узнавала сына. «Эх, опять на заводе задержали, – вздыхала она. – А ведь я пирожков напекла с повидлом, как он любит. Остынут, куда он вернётся».

– Вера Сергеевна, здравствуй! – подошла к ней женщина. Тоже пожилая, но заметно моложе, лет на пятнадцать.

– Здравствуй, Зоюшка. Вот Андрейку вышла встретить, а похоже, на заводе задерживают.

– Понятно, Верочка, пойдём в квартиру, темно уже. Чайник поставим, стол накроем, на улице вон как холодно, того гляди снег пойдёт. Андрей придёт, сразу горячего чайку и попьёт.

Она крепко ухватила старушку за плечи и, не замолкая ни на секунду, завела в подъезд. Придерживая одной рукой под локоть, помогла подняться на второй этаж, толкнула дверь – так и есть, опять не заперта. Брат в квартире нечего, но мало ли кто зайдёт, пока хозяйки нет.

– Чем это у тебя пахнет, Вера Сергеевна? Горит что-то!

– Так говорю же, пирожки пеку, – улыбнулась старушка.

Как была в верхней одежде, Зоя прошла на кухню, выключила духовку и рывком открыла дверцу. Из духовки повалил густой дым, наполнив квартиру запахом пригоревших пирожков и вытекшего повидла, женщина открыла форточку.

– Ах, батюшки, сгорели мои пирожки! – всхлипнула старушка. – Чем же я Андрейку угощать буду?

– Не переживай, Вера Сергеевна, я вон пряничков с начинкой купила, и тебе хватит, и Андрею оставим, – доставая из сумки пакет, ответила соседка.

– Так у тебя самой внуки, Зоя.

– Внуки раньше выходных не придут, я ещё куплю, свежих. Давай-ка разденемся, руки помоем, да чайку попьём. Замёрзла, наверное, стоять у подъезда.

Приговаривая, Зоя быстро сняла верхнюю одежду, вымыла руки, прошла в кухню, поставила чайник. Напоив старушку чаем, расстелила ей постель и велела, как она уйдёт, закрыть дверь и лечь спать. Андрея оставили в ночную смену, раньше утра не придёт. А как вернётся утром, своим ключом откроет.

Убедившись, что Вера Сергеевна прислушалась к её словам, соседка оделась, вышла из квартиры и поднялась на свой третий этаж.

Жалко было старушку – жизнь её потрепала. Когда Зоя переехала сюда с мужем, Вера Сергеевна уже жила в доме. Была она старше Зои на десять лет, но на общении это совсем не сказывалось – Верочка была весёлой, общительной, доброжелательной.

Жила с мужем Николаем и сыном Андреем, которого называла Андрейка. Ни разу не слышала Зоя, чтобы звали его Андрюшей, только Андрейка. Николай, муж Веры, человек с золотыми руками, можно сказать, столярного дела гений. Но как многие русские гении, страдал алкоголизмом. Вернее, страдали жена и сын, потому как, приняв лишнего на грудь, глава семьи становился буйным, шумным, не терпящим возражений. Частенько Вера прятала сына у них, а сама убежала в соседний подъезд к подруге, а как буря стихала, приходила за мальчиком и вводила к себе.

Пятнадцать лет исполнилось Андрею, когда Николай ушёл в мир иной, не без помощи водки, конечно. Все соседи думали, что сейчас они вздохнут с облегчением. Но Андрейка дорос до тяжёлого подросткового возраста и начал шалить. Верочка с парнем не справлялась, сильной, авторитетной руки рядом не было, и подросток вёл себя не лучшим образом: начал курить, выпивать, связался с дурной компанией. Кое-как поступил в профессионально-техническое училище, но нормально не учился, прогуливал, а потом и вовсе загремел в тюрьму за кражу.

Вера оптимизма не растеряла, всё ждала его, таскала на свиданки тяжёлые сумки, рассказывала, что сын обещал вернуться и жить нормальной жизнью. Андрей вышел. Честно пытался вырвать на ровный жизненный путь, но, как и отца, губила его тяга к алкоголю. Так и жили, Вера мечтала, что сын остепенится, встретит хорошую девушку, подарит ей внуков. Но женщины от Андрея сбегали после первого же запоя, а промежуток между ними становился короче.

И, отпраздновав сорокалетний юбилей, Андрей отправился вслед за отцом. Вере в тот год исполнилось шестьдесят

восемь, она постарела лет на десять сразу. Жизнь её потеряла всякий смысл, внуков ждать неоткуда, сына нет. Года три она сидела дома, выходила только в магазин, если встречала соседок на лавочке, то сидела с ними, говорила о разном, но редко. Прежней оптимистичной Веры Сергеевны уже не было, потух огонёк внутри неё.

А в последний год стала чудить: выйдет к подъезду и ждёт сына с завода – завод его последним местом работы был. Не дождавшись, Вера Сергеевна уходила, вздыхая, что сына оставили на ночную смену.

Она стала неряшливой, забывчивой. Зоя, соседка с третьего этажа, то и дело заходила к ней, часто дверь была не заперта. Соседка жалела старушку, прибиралась немного в квартире, проверяла приборы, чтобы те были выключены, забирала одежду и постельное бельё в стирку. Иной раз здраво рассуждала Вера Сергеевна, говорила о сыне в прошедшем времени, держала в руках старые фотографии, плакала. Но спустя месяц-другой опять выходила встречать его со смены. Этой осенью это участие отводит её домой Зоя, каждый раз переживая, что будет дальше.

Близился Новый год. Вера Сергеевна решила сделать оливье к новогоднему столу: Андрей его любит, да чтобы колбасы было побольше. Посмотрела, чего не хватает в холодильнике, и пошла в супермаркет за колбасой да зелёным горошком. Кроме колбасы прикупила мандаринов и конфет шоколадных. В детстве сынок так радовался, когда от завода давали сладкие подарки, вот она сегодня его побалуует.

«Не подождать ли его у подъезда? Вроде смена скоро кончится», – рассуждая про себя, старушка положила сетку на скамейку и, привычно всматриваясь в мужчин, стала ждать.

– Андрейка, – потянула она за рукав проходящего мимо мужчину.

– А-а-а-а? – На неё посмотрела пара испуганных глаз.

– Сыночек, ты?

– Я... – ответил мужчина.

– Ой, дождалась! А я вот за горошком и колбасой ходила, оливье решила сделать. Вот радость, что ты вернулся! Устал?

– Ага.

– Ну, пойдём домой. – Она ухватила за рукав пуховика и потянула к дверям. – Сетку мою возьми.

– Ага... – Мужчина взял со скамейки сетку и послушно пошёл за старушкой, по пути выбросив что-то из руки.

– Как хорошо, что ты сегодня вовремя, сынок. Скоро и Новый год. Ты работаешь?

– Нет, – прошептал незнакомец, опасливо поглядывая на старушку: сумасшедшая, похоже.

– Вот и славно! Может, на ёлку сходим, поглядим, как сейчас наряжают. Ну или «Голубой огонёк» по телевизору посмотрим.

– Можно, – неопределённо ответил мужчина.

– Ты чего стоишь? Раздевайся, руки мой, я чайник вскипячу. Конфеток купила шоколадных, Зочка печенье занесла. Колбаски отрезать?

– Ага... – Мужчина снял потёртый пуховик и шапку, повесил рядом с таким же потёртым пальто.

Оглядел вешалку: другой одежды не обнаружил. На полу только старая женская обувь. Вздохнул.

– Чего вздыхаешь? – хлопотала старушка. – Похудел-то как, совсем не бережешь себя на заводе этом! Устал?

– Устал.

– Ну давай чай попьём, я тебе постелю, и спать ложись сразу.

– Ага.

Попили чаю, Вера Сергеевна всё говорила и говорила, рассказала «сыну» последние новости, подливала кипяток, угощала сладостями. Мужчина слушал, прихлёбывая горячий чай. Смотрел на старушку выжидающими глазами, в которых горел маленький огонёк надежды.

– Ой, заболтала совсем тебя, сынок. Ты же со смены, устал. Давай-ка ложись спать. В шкафу возьми одежду, я постирала всё.

– Хорошо... мама, – прошептал он.

Утром проснулась Вера Сергеевна, а сын спит. Как хорошо, что ему не на работу сегодня! Встала, на цыпочках из комнаты вышла, дверь прикрыла и давай колдовать над завтраком. Шарлотку бы испекла, да яблок вчера не додумалась купить, ну ничего, сейчас батон вареньем намажет – в школе для него это любимое лакомство было. Как раз клубничное есть, давно уж купила. И еле заметно, осторожно занявшись от уголька, загорелся костерок жизни Веры Сергеевны.

Прошло семь дней нового года. Соседка Зоя спешила домой, в дороге всё думала, как там Верочка. Как встретила Новый год? Ходила ли встречать сына? Тревожно ей.

Сама Зоя первого января уехала нянчить внуков. Дочь с зятем устроили себе каникулы, укатили на горнолыжный курорт, а её попросили пожить у них. И вот сегодня она торопилась домой, даже отказалась от предложения зятя отвезти её: он сможет только через два часа, а на автобусе она за полчаса доедет, и от такси отказалась – непривычная к нему. И в магазин по пути забежать надо, Верочке гостинцев купить.

Поднялась на второй этаж, поставила тяжёлую сумку прямо на пол и нажала на старый звонок. Послышалось громкое треньканье и шарканье ног, Зое сразу полегчало. Открыла соседка дверь, а её сразу и не узнать: платок яркий, сама сияет, какая-то радость от неё исходит:

– Зоя, здравствуй! Заходи, заходи.

– Как дела, Вера Сергеевна? – вместо приветствия спросила женщина.

– Хорошо, Зоюшка. С Андрейкой окна заклеиваем, а то дует со всех щелей.

Закашлялась Зоя, показалось, будто воздуха мало в квартире:

– С кем клеишь?

– С сыном Андрейкой, отпуск у него. Да ты заходи, сейчас чайник поставлю.

Соседка медленно расстегнула пальто, стянула сапоги. Да-а-а, быстро

развивается болезнь, жалко-то как. Праздники кончатся, надо в поликлинике узнать, что делать.

Слышит, как будто и впрямь в комнате кто-то есть, а Верочка-то в кухне посудой гремит. Заглянула осторожно и отпрянула – там мужик в старой тельняшке Андрея и в его трико (уж эти ужасные трико она нипочём не забудет). Мужик рамы широкой лентой заклеивает по старинке на хозяйственное мыло.

– Здрасьте, – только и смогла она сказать.

– Здравствуйте, – тихо ответил мужчина. Взгляд как у зверька – то ли испуганный, то ли хитрый – и не поймёшь.

Господи, да это, наверное, чёрный риэлтор, осенило женщину! И как только прознали про Веру? Да кто же посмел такое устроить?

А старушка всё хлопочет:

– Зоя, иди сюда. Андрейка, давай и ты с нами, потом доклеим.

Вышел мужчина к ним, сидит, согнулся под взглядом соседки, боится, что ли? Видать, не ожидал, что кто-то придёт к одинокой старушке, вот и не знает, что теперь делать. Это добавило Зое смелости:

– Вера, а пусти Андрейку со мной? У меня сумки тяжёлые, пусть поможет на наш этаж поднять.

– Так конечно! – улыбнулась старушка. – Как не помочь?! Правда, сынок?

– Ага.

– Ну тогда пошли прямо сейчас. – Зоя встала, поправила подол платья и вышла в прихожую.

Вышли в подъезд, Зоя поднялась на этаж выше, дверь ключом открыла. «Андрейка» только хотел было уйти, а она его остановила:

– Ну-ка зайди ко мне!

Мужчина послушно зашёл, сумку на пол поставил. Из комнаты вышел муж Зои в семейных трусах и майке.

– Ой! Ты чего не сказала, что не одна.

– Не уходи, Слава. Тут с человеком поговорить надо.

– А кто это?

– Говорит, что Андрей, сын Веры.

– Так он помер!
– Видать, воскрес. Ну, рассказывай
– подбоченилась женщина: уж она этого чёрного риэлтора сейчас на чистую воду выведет!

Мужчина постоял немного молча, потом поднял уставшие, испуганные глаза:

– Вам с самого начала?
– Давай с самого начала! – скомандовал Зоя.

– Я родился в Чувашии. Отца с матерью лишили родительских прав за пьянку, я вырос в детдоме. А как время пришло, меня из детдома и выпроводили, обратно по месту прописки. Вернулся к ним, а они совсем спились: опухшие, чёрные, кроме как о водке, ни о чём не думают. В доме, да какой там дом, в бараке, где они жили, пол прогнил, потолки покосились. Всё грязное, тараканы хозяйничают, пахнет как в сарае. Сперва хотел я их от пьянки лечить, да где уж?! Пожил месяц с ними и ушёл.

Я же учился на слесаря-сантехника, устроился в ЖЭУ работать, мне комнату дали. Несколько лет так прожил. Потом друзья сюда позвали, говорили город большой, шабашек много. Мы брали объекты и делали внутреннюю отделку. Сперва прямо на объектах ночевали, потом квартиру сняли. За несколько лет я себе на квартиру в малосемейке скопил. Крохотная, зато своя.

Так и жил бы, но «кинули» меня. Хотел жильё побольше, мне пообещали помочь, мол, и с кредитом помогут, и квартиру хорошую найдут подешевле. Говорили, у тебя зарплата неофициальная, банк кредит не даст. А в итоге обманули, без жилья оставили. Я у друзей жил, но все семейные, неудобно надолго оставаться. На объектах ночевал, только не все хозяева хотели пускать. На тех подонков в суд подал, но и его проиграл: документы-то я по дурости все подписал! А тут ещё бригада наша распалась, кто в другой город переехал, кто по здоровью решил завязать с ремонтом. В общем, совсем не знал я, куда податься.

Мужчина ненадолго замолчал, взгляд его стал печальным. Он прикусил

нижнюю губу, а потом, шумно вздохнув, продолжил:

– Одну ночь в подвале ночевал, так меня местные избили, да ещё и документы отняли, телефон. Остался я на улице. Кое-как оклемался. Слышал раньше, что приюты для таких, как я, есть. Помню, даже объявления расклеенные видал, а вот когда понадобилось, никак на глаза не попадались. Так и ходил по городу, искал объявления, иногда в магазине помогал товар разгружать, меня кормили. Ночевал в подъездах, а утром старался уйти, пока жильцы не проснулись.

Как раз перед Новым годом так плохо мне было, что решил повеситься. Нашёл верёвку возле мусорки. Искал подвал незапертый или думал ночи дожждаться, на дереве вздёрнуться. Ну кому я нужен? А тут она... – У мужчины на глазах блеснули слёзы. – Не знаю, как вышло, но она меня сыном назвала и к себе увела. Я не помню, чтобы родная мать меня сыночком звала. А чтобы ради меня завтрак кто-то готовил, того вообще никогда в помине не было. Всю жизнь я как сорняк сам по себе живу, а тут она... мама.

Он грустно улыбнулся, провёл рукой по волосам и, посмотрев прямым взглядом на Зою, продолжил:

– Я её по-другому звать-то не могу. Знаю, что плохо поступаю, но ничего поделать не могу. Каждый раз говорю себе: всё, завтра уйду. А проснусь, она мне чаю нальёт, по голове погладит, хлеб маслом намажет, у меня сил нет уйти. А она: «Сынок, сыночек, как хорошо, что ты дома». Меня так никто никогда не ждал и не любил. Вот и вся история.

Зоя с мужем переглянулись, а мужчина продолжал:

– Вы меня в полицию не сдавайте, я не вор, не обманщик. Обещаю, скоро уйду. Скажу, что в командировку отправляют. Ей ведь и сочинять особо не нужно, слово скажешь, а дальше она сама придумывает, я только киваю. Только не звоните в полицию. Мама просит, чтобы я её в поликлинику отвёл после праздников. Вот свожу, а потом уйду. Тяжело

ей самой ходить, да и вдруг дорогу забудет, поскользнётся...

– Во дела! – протянула Зоя, вопросительно глядя на мужа.

А тот только пожал плечами, мол, не знаю, что делать. Зоя сама приняла решение:

– Ты пока оставайся с ней. Я гляжу, ожила Верочка, и мне не так тревожно. Но гляди, я здесь давно живу, участкового знаю, ежели что, сразу ему позвоню, он тебя вмиг выкинет. И заходить я к вам буду постоянно. Смотри, если что замечу! – погрозила она узловатым пальцем.

– Нет, я не вор, не обманщик, – повторил мужчина.

– Тебе лет-то сколько?

– Тридцать.

– Молодой совсем. А чего не жена-тый?

– Работал много, особо некогда было с девушками гулять. Девчонки ведь не хотят по углам ютиться. Вот думал, куплю побольше квартиру, хоть однокомнатную в хрущёвке, да начну жену искать. Но вон ведь как вышло...

– Понятно.

– Можно я только об одном у вас попрошу? – глядя на хозяина квартиры, спросил мужчина.

– Ну?

– Если у вас есть лишняя бритва, дайте, пожалуйста. У меня денег нет, а у мамы стыдно просить, и так ведь она меня кормит, одежду сына дала, на его диван укладывает.

– Это легко, – ответил Слава, ушёл в ванну и вернулся с бритвенным станком. – На, пользуйся. Надо будет, ещё дам.

– Спасибо большое!

– Ну, бывай, я загляну – пообещал Слава.

– И помни, я за тобой наблюдаю! – встала Зоя. – А теперь иди к Верочке, ждёт, наверное.

Мужчина спустился на второй этаж. В квартире тихо. Он заглянул в комнату. На диване, свернувшись клубком, тихонько посапывая, спала старушка. Он укрыл её одеялом, осторожно провёл пальцем по волосам и заплакал.

Ближе этой старой женщины у него никого нет. Никто никогда так не любил и не ждал его. Он раньше и не понимал, что нуждается в материнской любви. Не думал, потому как не знал, что такое бывает. С другими да, и в кино показывают, а вот с ним не случилось. «Вот какая должна быть мама, – думал он, утирая слёзы. – Мама она всегда ждёт. И любит, чтобы ты ни на-творил». А он её обманывает... Но, видимо, не за горами тот час, придётся уйти.

Кончилась зима, а мужчина так и жил с Верой Сергеевной. Водил её в поликлинику, ходил за продуктами, мыл в квартире полы, вручную стирал бельё. Иногда заходил к Славе, мужу Зои, одалживал инструменты и ремонтировал что-то.

Верочка не спрашивала, почему он не ходит на завод. Каждый день готовила ему завтрак и всё сетовала, что не женат он, внуков ей хочется увидеть.

Весной увидели соседи, как окна квартиры открылись и мужчина шурил старые рамы, сдирал краску. А через несколько дней красил новой, белой, натирал стёкла старыми газетами.

После майских праздников он встретился с Зоей возле подъезда.

– Андрей, ты говорил, что на сантехника учился?

– Да.

– У нас в доме сантехник уволился, он наш и ещё два дома обслуживал. Зарплата маленькая, да шашки, говорят, есть. Жильцы часто просят, то смеситель поменять, то унитаз. Пойдёшь?

– Пойду! Только, – он перешёл на шёпот – у меня документов нет.

– Своё имя-фамилию помнишь?

– Конечно!

– Я с зятем поговорю, он в таких вещах разбирается. Если надо, в долг денег дам, с зарплаты отдашь.

– Спасибо вам!

– И тебе спасибо, сынок. Не верила я тебе, но вижу, честный ты человек, и вижу, как о Верочке заботишься. Она разговаривать с нами, соседями, начала. Смеётся. А после смерти сына как

ходячий мертвяк была. И поправилась маленько. Не мне судить, но, кажется, в поговорке «горькая правда лучше сладкой лжи» есть исключения. Уж лучше пусть Вера счастливой будет, и так радости в жизни не видела, хоть сейчас поживёт.

– Да. И я с ней счастлив. Но работать хочу, руки чешутся. И стыдно на её шее сидеть.

– Конечно! Да у тебя, сынок, жизнь только началась. Молодой ты ещё, всё успеешь. А за Верочку спасибо, душа радуется, глядя на неё.

В конце мая Вера Сергеевна спросила за завтраком:

– Сынок, ты работаешь сегодня?

– До обеда, потом дел нет.

– Давай на кладбище съездим, отца проведаем, а то родительское уже прошло, а мы так и не были.

– Конечно, съездим. Я сейчас в конторе поговорю, может, нас хоть в одну сторону отвезут, а обратно на автобусе.

– Ладно, сынок.

После обеда они стояли возле старой, некрашеной ограды. Мужчина привёз с собой инструменты, щёткой почистил прутья, повыдергал траву с холмика, протёр тряпкой надгробие. Соорудил валик из куртки и усадил на него Веру Сергеевну.

– Хороший всё-таки у тебя папка был, – вздохнула она.

– Ага.

– Жалко, что пил. Если бы не этот змий проклятый, жили бы хорошо. Помнишь, какие красивые вещи он делал? Как двери резные поставил?

– Помню.

– Эх, всё водка проклятая. Ты обещаешь, Андрейка, не пить никогда.

– Обещаю, мам, я же и не пью.

– Ты у меня молодец! – Она протянула к нему руку, он помог ей встать, – А пойдём к сыну моему на могилу сходим? Тут рядом.

Мужчина замер, а она уже тихонько пошла вперёд. Он быстро поднял с земли куртку, сумку с инструментами и пошёл за Верой Сергеевной. Дошли до ещё одной могилы. Старушка, уперев-

шись на ограду, всматривалась в фотографию на надгробии. Потом повернулась к мужчине:

– Тебя как звать-то, сынок?

– Сергей, – прошептал он.

– Сергей... Почти как Андрей.

Мужчина молча смотрел на неё, только слегка подрагивал подбородок, выдавая волнение.

– Уж прости, но я тебя буду звать Андрейкой. Ты не смотри на меня так. Думаешь, бабка совсем ума лишилась? Нет, милый, я всё понимаю. И что не сын ты мой, знаю. У меня же записи есть, фотографии и свидетельство о смерти в комоде лежит. Но смотрю я на тебя, а вижу сына. Ты только не бросай меня, Андрейка, – заплакала она. – Умру я одна.

Мужчина обнял её, сам не сдерживая слёз:

– Не брошу, мама, не брошу. У меня ведь тоже никого нет. Один я в целом мире один, вот только с тобой и узнал, что такое материнская любовь.

– Бедный мой мальчик. И тебя жизнь потрепала, ну ничего, всё образуется.

– Мам, а ты когда поняла, что я не твой сын?

– Не знаю. Я ведь и дни путаю, и людей. Как-то утром проснулась, смотрю, спишь на диване в андрейкином трико. Я сперва испугалась, а потом думаю, чего мне терять? Жизнь, считай, кончилась, ради кого мне жить? А так хоть заботиться есть о ком, и ты рядом, заботишься обо мне. Я уж и сама не понимаю, где я тебя вижу, где Андрейку. Да мне и всё равно. Я вот думаю, что Коля и Андрей там, на небе, стали ангелами, сжалились надо мной и прислали тебя. Хоть свой век доживу счастливой, только ты не уходи, сынок.

– Не уйду, мама, не уйду. Мне некуда идти, и ближе тебя нет никого.

– Ох, сынок, сколько горя на земле...

Почистил Сергей могилку Андрея, прикинул, когда приехать покрасить обе ограды, да повёл мать на остановку. Спокойно на душе стало: открылся и не чувствует себя обманщиком теперь. А то, что она его чужим именем зовёт,

неважно, она ведь тоже не мать ему, а по сердцу ближе, чем родная.

На следующее утро дождалась Вера Сергеевна, когда уйдёт сын на работу и поднялась на третий этаж, к Зое.

– Зоя, ты умная, мне помощь твоя нужна.

– Говори, Верочка.

– Про сына своего я всё знаю. – Она замолчала, глядя бесцветными глазами на соседку, а как убедилась, что Зоя поняла её, продолжила: – Хочу я ему свою квартиру оставить. Помогите завещание составить.

– Верочка, ты хорошо подумала?

– Конечно. Ближе Андрейки нет у меня никого, и у него кроме меня никого. А помру я, куда он пойдёт?

– И то верно.

– Я завещание составлю, ты мне только помоги. А умру, сама отдашь.

– Хорошо, я спрошу у зятя, он всё знает.

– Спасибо, Зоюшка. Знаешь, я та-

кой счастливой с тех пор, как Андрейка родился, не была. Какой сынок у меня вырос, да? Какой у меня Андрейка замечательный.

– Хороший сынок, Вера Сергеевна, хороший... – ответила Зоя.

Не поймёшь Веру, где понимает она, что к чему, где нет, но в одном права – сейчас она счастлива.

На 76-м году жизни тихо во сне ушла Вера Сергеевна в мир иной, ушла к своим близким и родным. Ушла счастливой, с улыбкой на тонких губах, как будто просто заснула.

Через год Сергей женился и стал отцом чудесной доченьки Веры. Веры Сергеевны.

Каждый год он ходит на кладбище и ухаживает за тремя могилами. И каждый раз благодарит незнакомого ему Андрея за то, что подарил ему мать. На могиле Веры Сергеевны гравировка: «Самой лучшей Маме от твоих сыновей».

Акбаш

– ГУЛЬСУМ, смотри, кого я принёс! – Хасан-бабай, громко топая и стряхивая с валенок снег, вошёл в дом. Вместе с ним ввалился густой, как из парной, декабрьский воздух.

Гульсум-апа выглянула из кухни и в морозном тумане не сразу разглядела мужа и то, что он держал. А между тем тот, что свернулся клубочком в руках, высунул любопытную мордочку, которую прятал в локтевом сгибе стариковского бушлата, посмотрел на женщину глазами-бусинками и облизнулся.

– Абау, щенок! – всплеснула руками женщина. – Хасан, зачем он нам? Откуда взял?

Хасан-бабай оттряхнул шапку от снега и повесил на крючок. Опустил щенка на пол, снял бушлат и пристроил рядом с шапкой. Щенок потянул любопытным носом, уткнулся в стоявшие на пороге валенки, замотал хвостом.

– У Мансура осенью собака пять кутят принесла, вот забрал самого смыслёного, – объяснил он, ласково глядя на щенка, обнюхивавшего обувь на пороге.

– Так зачем сейчас забрал? Подождал бы до мая. Куда его теперь? – ворчала Гульсум-апа.

– Пока мороз на дворе, поживёт дома, потом в сенях постелю. А летом